

«Это все не имело к нам никакого отношения»:
дискурсивное сопротивление
и коммуникативный сбой в советской Прибалтике

В настоящей статье исследуются практики непрямого сопротивления советскому режиму в республиках советской Балтии, а также их рецепция со стороны жителей остального Советского Союза, приезжавших в Литву, Латвию и Эстонию на отдых. Особое внимание уделено причинам, обуславливающим коммуникативный сбой между этими группами и неспособность адресатов считывать обращенные к ним негативные послания.

Ключевые слова: Латвия, Литва, Эстония, туризм, инфраполитика, сопротивление, коммуникация.

Проблема взаимоотношений между людьми, приезжающими куда-либо на отдых, и коренными жителями данного региона относится к числу наименее изученных. Для теоретиков туризма туристы практически всегда оказываются единственным и самодостаточным объектом изучения. Они рассматриваются вне связи с окружающими их институтами, системами и реалиями, и авторская оптика по большей части фокусируется на внутренней логике поведения туристов и их методах конструирования реальности, а не на способах взаимодействия приезжих с внешним миром.

Так, классики социологии туризма Джонатан Каллер и Дин Маккеннел обращаются в первую очередь к семиологическим основам туризма. В своей статье «Семиотика туризма» Каллер фокусирует внимание на специфике туристического взгляда, обладающего способностью выхватывать стереотипное и ожидаемое в ущерб подлинному и неожиданному¹. Монография Дина Маккеннела «Турист: новая теория праздного сословия» дает более широкую картину туризма как значимого феномена современности, однако

и для Маккеннела ключевым объектом исследования становится система культурных кодов, принятых внутри туристического сообщества и определяющих структуру туристского видения мира². В книге Джона Урри «Взгляд туриста» вопрос взаимоотношений между «приезжими» и «местными» косвенным образом затрагивается, однако трактуется в первую очередь в контексте сервиса, который вторые оказывают первым³. Иными словами, ни для кого из исследователей причудливый рельеф, возникающий на поверхности соприкосновения кочевого и подвижного туристического мира с оседлым и стабильным миром «аборигенов», пока не стал объектом самостоятельного интереса.

Столь же малоизученным остается и вопрос взаимоотношений коренного населения стран Балтии и людей, приехавших туда на отдых в советское время. В то же время, исследование этой проблемы представляется увлекательным и важным, поскольку позволяет пролить свет на сложную систему взаимодействия угнетателей (зачастую вовсе не считавших себя таковыми) и угнетенных в рамках подчеркнуто алогичной и непоследовательной советской национальной политики. Отношения между людьми, приехавшими в Латвию, Литву и Эстонию ненадолго (а не переселившимися туда после советской аннексии навсегда), и исконными жителями Прибалтийских республик позволяют пронаблюдать проблему межнационального взаимодействия в наиболее чистом, не замутненном длительным опытом сосуществования виде. Вытеснение или позитивная рационализация собственного негативного коммуникативного опыта со стороны туристов, методы дискурсивного сопротивления со стороны коренного населения Прибалтики – именно при контакте между двумя этими группами и то и другое проявляло себя наиболее концентрированно, рельефно и репрезентативно.

Материалом для настоящей статьи послужил корпус из 64 интервью, записанных на протяжении 2011–2016 гг. Респондентов можно разделить на две группы: большая их часть – это люди с высшим образованием, родившиеся между 1940 и 1980 гг., отдыхавшие в Прибалтике (или регулярно посещавшие ее с другими целями) в 60–80-е гг. XX в. и сами себя атрибутировавшие как представителей интеллигенции. Вторую группу составляют жители Прибалтики (преимущественно Латвии) с высшим или средним специальным образованием, вступавшие в регулярный контакт с приезжими в силу профессиональной необходимости или по причинам личного характера. Информанты указаны в статье под номерами.

«Не было никаких проблем»

Одна из вещей, обращающих на себя внимание в воспоминаниях об отдыхе в Прибалтике в советское время, – это почти полное отсутствие упоминаний о какой-либо недоброжелательности со стороны коренного населения Эстонии, Латвии и Литвы. Многие информанты подтверждают, что с другими, по слухам, нечто подобное случалось – кому-то не ответили по-русски на улице в Каунасе, кого-то не захотели обслуживать в магазине в Риге, кто-то не дождался официанта в кафе в Пярну... Но с ними самими ничего подобного не происходило буквально никогда. Дружелюбие (или по крайней мере абсолютная нейтральность) местного населения воспринималась как норма:

Тогда этой <неприятности> не было абсолютно! Мне часто приходилось слышать про русофобию прибалтийских стран, но лично я не сталкивалась с этим ни разу. Я в советское время слышала – «да, обращаться по-русски нельзя, потому что...» Ну не видела я этого! Я ходила на рынки, ходила в магазины, мы там лето провели вот уже в восемьдесят девятом году, так что вполне могла бы. Но не было этого [Инф. 1].

Мы отлично, просто отлично всегда коммуницировали, всегда! Не было никаких проблем. И по-русски говорили абсолютно спокойно. И никаких там «русских свиней», «оккупантов» не слышали никогда в жизни. Вот ни разу в жизни, правда! И даже ощущения подспудного не было никакого никогда [Инф. 2].

Случаев недоброжелательности местных жителей, направленных на меня или друзей, близких, не помню. Рассказы об этом какие-то ходили, но воспроизвести ни один такой рассказ сейчас не могу, так как сам ни с чем подобным не сталкивался [Инф. 3].

Однако приведенные суждения вступают в серьезное противоречие с объективными фактами. Коренное население Прибалтики тяжело переживало советскую оккупацию, и общая недоброжелательность по отношению к СССР естественным образом канализировалась в неприязнь к русским – авангарду оккупационного режима. В первую очередь она, разумеется, была адресована «местным» русским – тем, кто переехал в Прибалтику жить и работать на новообразованных промышленных предприятиях (или в составе расквартированных здесь военных частей) и стремился на новом месте сохранить привычный образ жизни, язык и бытовую культуру, в том числе за счет отрицания и подавления локальных

традиций. Однако определенная доза негатива неизбежно должна была доставаться и туристам – тем, кто проводил здесь несколько недель или месяцев летнего отпуска.

Неприязнь по отношению к русскоязычным «оккупантам» в странах Балтии была если не единодушной, то, во всяком случае, достаточно выраженной и осознанной:

Я видел эстонцев, обычно таких спокойных, которые буквально тряслись от ненависти, когда говорили об «азиатских, монгольских варварах», которые поселились среди них, и об их грязных привычках⁴.

Примерно так же, как в Эстонии, дело обстояло и в Латвии, и лишь немногим лучше было отношение к русским в Литве, где их было существенно меньше, больший их процент владел литовским языком и, следовательно, они представляли собой меньшую угрозу традиционному литовскому укладу. После окончания Второй мировой войны удельный вес титульной нации в общей численности населения Эстонии составлял 94%, в Латвии – 83% и в Литве – 80%. В 1989 г. этот показатель был соответственно 61,52 и 79%⁵. В то же время по состоянию на тот же год эстонским языком владело лишь 14,9% русскоязычного населения Эстонии, в Латвии соответствующий показатель равнялся 22,2%, а в Литве – 37,5%⁶.

О наличии существенных межнациональных противоречий косвенным образом свидетельствуют даже методички, разработанные обществом «Знание» для своих лекторов и пропагандистов. В одной из них, выпущенной на заре горбачевской «перестройки» и «гласности», практически напрямую – во всяком случае, по советским меркам – констатируется острота «национального вопроса» в Латвии:

Социологические исследования показали необходимость усиления внимания к контрпропагандистскому аспекту лекций, к проблемам борьбы с национализмом и шовинизмом, с буржуазными фальсификациями национальной политики КПСС⁷.

Для противодействия «националистической пропаганде» в методичке приводилось множество риторических приемов и поучительных «историй из жизни», при помощи которых лекторам общества «Знание» надлежало максимально усиливать свою интернационалистскую аргументацию.

О том, что неприязнь к русским распространялась не только на иммигрантов, но и на туристов, косвенным образом свидетельствует

эстонская листовка 1971 г., распространявшаяся от имени так называемого «Национального комитета». В листовке, в частности, говорилось:

О какой Эстонской Советской Социалистической Республике может идти речь, когда половина ее населения – не эстонцы, и когда каждый день поезда привозят на отдых и на длительное поселение больше людей, чем рождается детей в эстонских семьях?⁸

Как же вышло, что этот аспект реальности оказался практически стерт из памяти значительного большинства людей, отдохнувших в Прибалтике в советские годы? Заподозрить информантов в ненаблюдательности было бы несправедливо – многие из них смогли зафиксировать и сообщить массу нетривиальных деталей повседневной жизни тех лет. Также несправедливым было бы обвинить их в поголовной неискренности и стремлении выдать желаемое за действительное.

Очевидно, одним из возможных объяснений этого феномена была неподготовленность среднего интеллигента советской формации к встрече с таким явлением, как национализм. Несмотря на то что 70-е и первая половина 80-х гг. были временем экспериментов официальных советских идеологов с националистической риторикой⁹, для значительной части интеллигенции актуальной по-прежнему оставалась парадигма предыдущего – романтически-интернационалистского десятилетия, когда примат человеческих свойств над национальной принадлежностью считался безусловным. Национализм в этой картине мира воспринимался как нечто стыдное, чуждое, почти неприличное и, следовательно, неосознанно вытесняемое из поля зрения. Неслучайно правозащитница Людмила Алексеева, на протяжении всех 70-х и первой половины 80-х гг. фиксирующая все проявления инакомыслия в СССР, при рассказе о националистических диссидентских течениях в Прибалтике акцентирует внимание на том, что среди их участников присутствовали и русские, подвергавшиеся столь же (а иногда и более) суровым гонениям со стороны властей, что и их товарищи из числа эстонцев, литовцев или латышей¹⁰. Таким образом, акцент переносился с непристойно национального на общечеловеческое, а сам национализм «приручался» и легитимизировался в рамках общей борьбы против вселенского зла наднациональной природы – советской власти.

В качестве другого возможного объяснения глухоты туристов к проявлениям недоброжелательности со стороны местного населе-

ния следует привести общую для туризма как социального явления ориентацию на систему определенных образов, предвосхищающих и отчасти предопределяющих собственные впечатления путешественника. Пользуясь словами Джонатана Каллера,

...туристы интересуются всем, что может служить образом самого себя. По всему миру скитаются никем не воспетые армии семиологов-туристов, занятых поиском идеальных образов французскости, типичного итальянского поведения, эталонных восточных сценок, безупречных американских шоссе и классических британских пабов¹¹.

Очевидно, что при такой организации взгляда в поле зрения туриста естественным образом не попадает множество вещей, запрещенных или не описанных в рамках нормального фрейма туристического поведения¹². Идея отпуска в целом позиционировалась советской пропагандой как время безоблачного счастья¹³, а конкретно в случае Прибалтики в местную систему туристических образов, сформированную отзывами и рассказами очевидцев, недоброжелательность со стороны местного населения не входила. Соответственно для значительной части отдыхающих ее попросту не существовало, она вытеснялась и не фиксировалась в «парадных», подлежащих пересказу и тиражированию воспоминаниях. Если же фиксация все же происходила, неприятные инциденты снабжались ярлыками «один раз» или обесценивались каким-либо иным способом.

Советские отдыхающие в Прибалтике по большей части не слишком стремились вступать в тесные отношения с местными жителями:

Значит, местное население эстонское не воспринималось как субъект. <...> То есть, местное население либо воспринималось как что-то очень такое умиленное, <...> либо не воспринималось вовсе. Никакого местного населения, кроме хозяйки, которая нас встречала, для нас не существовало [Инф. 14].

Приезжая на отдых в Прибалтику, выходцы из других частей Советского Союза либо предпочитали оказаться «среди своих», т. е. ограничивали круг общения такими же отдыхающими, либо занимали «романтическую» туристическую позицию, которая, по мнению Джона Урри, подразумевает акцент на «одиночестве, приватности и глубоко личных, преимущественно духовных отношениях с объектом наблюдения»¹⁴. Очевидно, ни тот ни другой

вариант не предполагал активной коммуникации с местным населением – а значит, и не создавал почвы для конфронтации.

И все же приведенные выше причины были не единственными. Между туристами из России и других частей СССР, с одной стороны, и эстонцами, литовцами и латышами – с другой, в самом деле существовал серьезный, весьма необычный и двусторонний коммуникативный сбой. Формы протеста против советской оккупации, практиковавшиеся коренными жителями стран Балтии, были по большей части замаскированными и неявными, т. е. в целом соответствовали способам потаенного сопротивления или «инфраполитики», описанным Джеймсом Скоттом в его книге “*Domination and the Arts of Resistance*”¹⁵. Группа населения, воспринимавшая себя как слабую и подавляемую, атаковала группу сильную и подавляющую, используя имевшиеся у нее в наличии ресурсы таким образом, чтобы избежать прямой и потенциально опасной конфронтации, исход которой был бы предопределен изначально неравенством сил.

Однако имеется и существенное отличие от моделей, разработанных Скоттом, которое усиливало ситуацию взаимного непонимания: отдыхающие (по большей части представители разных типов советской интеллигенции) сами не воспринимали себя как угнетателей. Напротив, они скорее склонны были – в одностороннем порядке – видеть в себе товарищей коренных жителей Латвии, Литвы и Эстонии по несчастью и соратников в их борьбе с советским угнетением. А потому даже в тех случаях, когда туристам случалось сталкиваться с практически незамаскированными случаями «инфраполитики», они не относили их на собственный счет и по большей части игнорировали.

Оружие слабых

Ни о какой публичной дискуссии на национально-политическую тему (уж не говоря о сколько-нибудь открытой конфронтации) речь, разумеется, идти не могла ни в относительно либеральные 60-е, ни в более консервативные 70-е и 80-е гг. Не имея возможности легальным, публичным образом выразить свое недовольство или вступить в сколько-нибудь содержательный диалог,

...жители Прибалтики испытывали огромное отчуждение от тех официальных сообществ, в которых им приходилось жить. И все надежды на то, что со временем это отчуждение уменьшится и на смену ему придет подлинная интеграция, оказались тщетны¹⁶.

Как результат, сопротивление уходило вглубь, утаивалось и перемещалось в область «инфраполитики». Важным способом выразить себя для активных противников советского режима в оккупированных странах Балтии становились надписи на стенах – наибольшей популярностью пользовались лозунги «Русские, убирайтесь вон» и «Русские, вон из Латвии (Литвы, Эстонии)». Об этом, в частности, сообщает правозащитница Людмила Алексеева:

В середине 70-х годов я бывала в Латвии из года в год и видела такие надписи много раз – их делают по-русски, чтобы они были понятны оккупантам¹⁷.

Другой формой протеста, способной потенциально затронуть отдыхающих, были надписи по-русски «Мест нет», которые нередко можно было увидеть на дверях таллинских и рижских кафе (при этом дублирующей надписи на эстонском или латышском не было)¹⁸.

И в том, и в другом случае надписи были анонимными, что обеспечивало «безопасную дистанцию»¹⁹ между их автором и потенциальным реципиентом: послание было публичным, но его «отправитель» оставался в тени и, следовательно, в безопасности.

Самым же распространенным способом выразить свое неприятие советской оккупации был отказ говорить по-русски на улице и в магазине или демонстративный переход на латышский (эстонский, литовский) язык в момент выражения недовольства.

В Литве часто бывало, что продавец, например, в магазине что-то нехотя ответит, а потом что-то еще себе под нос по-литовски так недовольно буркнет. И как-то вряд ли это было «спасибо большое» [Инф. 4].

Порылся в памяти – вспомнил, как кто-то в магазине проворчал в воздух «Sabraukiši!», что в точном переводе означает «Понаехали!» – думал явно, что я не пойму [Инф. 3].

Однажды в Риге просто какая-то бабуся побухтела на нас на улице. Ну, побухтела – и побухтела. Что точно бухтела, не знаю – видимо, язык наш ей не понравился. Но она ж на местном бухтела – было понятно только, что язык ей не але [Инф. 5].

Даже шведский журналист эстонского происхождения Андрес Кунг оказался однажды в нелепой ситуации, заговорив на улице Таллина по-русски:

Практически все западные журналисты, которым в недавнем прошлом было позволено посетить какую-либо из республик Советской Прибалтики, отмечали, что коренное население крайне неохотно говорит по-русски. В Таллине я сам едва не попал в беду, обратившись к подвыпившему местному, который принял меня за русского. Когда же я по-русски спрашивал дорогу, многие эстонцы отвечали мне по-эстонски и желали поскорее отправиться в ад – или лучше сразу в Сибирь²⁰.

Параллельно с этими скрытыми транскриптами, косвенным образом обращенными вовне, то есть к представителям угнетателей, существовали разного рода «дразнилки» и прочий пейоративный фольклор, формально адресованный оккупантам, но существовавший при этом только на эстонском (латышском, литовском) языке и по большей части не понятный потенциальной аудитории. Так, тот же Кунг приводит популярный среди эстонцев в 70-е гг. стишок:

Убирайтесь прочь, прочь из Республики те,
кто пьет эстонскую водку,
но не говорит по-эстонски!
Убирайтесь прочь, прочь из Республики те,
кто ест эстонский хлеб,
но не говорит по-эстонски!²¹

Эти утаиваемые и предназначенные исключительно для циркуляции в среде «своих» послания, очевидно, имели своей целью дать выход эмоциям, канализировать раздражение и агрессию, которые не могли иметь прямого выхода²².

Иными словами, пассивное сопротивление советскому режиму в оккупированной Прибалтике существовало, причем в достаточно разнообразном и развитом виде. Но адресаты – по крайней мере, из числа туристов, приезжавших в Латвию, Литву и Эстонию на отдых – по большей части не просто не считывали этих посланий, но даже их не замечали. При этом большинство информантов отлично знали о существовании национальной напряженности между жителями Прибалтики и русскими – просто они не были способны соотнести это с собой лично.

«Ко мне это не имело отношения»

В ситуации, когда о напряженности было известно, но при этом ее невозможно было ощутить или, во всяком случае, отрефлексировать, возникала потребность объяснить этот феномен. Как правило, интерпретации, изобретаемые туристами в Прибалтике, имели либо социальный, либо персональный характер и сравнительно редко принимали форму полного отрицания самого факта существования проблемы.

Кому-то казалось, что своеобразной индульгенцией конкретно для них служила очевидная их непричастность ни к самому советскому режиму, ни тем более к его преступлениям:

Понятно, что свою национальную катастрофу за скобками они там переживали, но все это ко мне не имело вообще отношения, потому что я частное лицо, и они все частные лица. Мы разговариваем с позиции частных лиц, у которых своя правда, скажем так [Инф. 2].

Кто-то полагал, что их оберегает откровенно неславянская внешность:

Может быть, я потому лично не сталкивалась, что я человек не то чтобы сильно русский, и это на мне написано [Инф. 3].

Кто-то полагал, будто дело в первую очередь в их собственных антисоветских убеждениях:

Ну как им было нам высказывать претензии, когда мы все заранее были на все согласны и чувствовали перед латышами полную собственную виноватость – за все советское государство сразу. Наверное, потому они нам ничего никогда и не говорили... [Инф. 6].

А кто-то был склонен приписывать прибалтам здоровый коммерческий прагматизм и собственную принадлежность к классу «кормильцев», то есть людей полезных:

Юрмала – она же кормится на русских! Там даже в голову не приходило никому какую-то неприязнь выказывать – они же себе не враги [Инф. 7].

Между тем подобные утверждения, судя по всему, имеют под собой мало оснований. Неприязнь к русским имела не персональный

(и даже не строго национальный) характер и соответственно слабо зависела от личностных свойств, внешности и мировоззрения адресата. Как пишет тот же Андрес Кунг – эстонец по происхождению и наблюдатель вполне здравомыслящий,

...в республиках Балтии местное население по большей части воспринимает русских как символ оккупационного режима, а не как обычных, отдельных живых людей...²³

Более того, мало кто из коренных жителей Прибалтики был способен разглядеть тонкие различия между чужаками на своей земле, очевидные им самим, но совершенно не заметные для стороннего взгляда.

Я сейчас, конечно, уже отличу нашего, местного русского от не нашего, приезжего. Но то сейчас, а в юности я бы ни за что не смог. Я вам честно скажу, я бы даже казаха от русского не всегда отличил, потому что есть такие русские типы, ну, восточные как бы немного, вы знаете... Ну, узбека-то еще видно, а вот понять, человек, допустим, с Украины или из России приехал, и надолго он тут или на отдыхе, я точно не мог. И где он работает, и кто он вообще, никто у нас, я думаю, не мог [Инф. 9].

В то время как большая часть информантов-приезжих подчеркивает свою принадлежность к интеллигенции и объединяет отдыхающих в Прибалтике в категорию «людей культурных» [Инф. 6, 14, 15 и др.], для информантов – жителей Латвии, Литвы и Эстонии все отдыхающие объединяются в группу людей, «которые жару не любили» [Инф. 16], схожие идеи высказывают [Инф. 9 и 10]. Что характерно, тонких социальных градаций среди отдыхающих не улавливали даже русскоязычные жители Прибалтики (к их числу относится Инф. 16) – что уж говорить о представителях коренного населения Литвы, Латвии и Эстонии.

Независимо от личностных свойств каждого конкретного выходца из России, Украины или Белоруссии, все они совокупно (к слову сказать, совершенно не обосновательно) воспринимались прибалтами как источник их бытовых, политических, экономических²⁴ и культурных проблем. Это не делало любого приезжего непременно и однозначно врагом (особенно в ситуации взаимовыгодного контакта – такого, как между арендаторами и арендодателями дачного жилья), однако в значительной степени затрудняло общение, нивелируя индивидуальные различия между

«оккупантами» и позволяя в случае необходимости видеть в них универсальную причину любого зла:

Практически все плохое в Советской Эстонии определяется местными уроженцами как «vene vark» или «русская работа»²⁵.

Словом, в отсутствие нормальных каналов коммуникации едва ли можно всерьез предположить, что принадлежность к армянской (еврейской, татарской и т. д.) нации или диссидентской среде могла стать «смягчающим обстоятельством» и защитить от проявлений недоброжелательности – с точки зрения жителей Прибалтики, все эти тонкие нюансы были практически неразличимы в сравнении с объединяющей общностью «чужаки на нашей земле».

Более того, логично будет вслед за Скоттом предположить, что отказ вести себя в соответствии с представлениями о «правильном», легитимном поведении угнетателей воспринимался скорее негативно. Агрессор, отказывающийся вести себя в соответствии со своим статусом, выглядит противоестественно. Как пишет Джеймс Скотт:

В то время как подчиненное положение предполагает убедительную демонстрацию почтения и униженности, доминантная позиция требует столь же убедительных проявлений надменности и властности. <...> Нарушая предписанный транскрипт, угнетатель рискует выглядеть смешным²⁶.

Коренное население Литвы, Латвии и Эстонии было вполне единодушно в своем негативном восприятии советской оккупации, однако в силу невозможности публичного, открытого сопротивления применяла для выражения своего недовольства методы дискурсивного сопротивления и «инфраполитики». Несмотря на свою анонимность и некоторую завуалированность, эти сигналы все равно поддавались считыванию и – при наличии минимальной рефлексии – дешифровке. Однако потенциальные реципиенты из числа отдыхающих за редким исключением не воспринимали себя как адресатов посланий и отказывались их фиксировать.

В значительной мере это происходило в силу специфики туристского взгляда, ориентированного на типичное и ожидаемое, и игнорирующего в силу этого любое событие или объект, выходящее за их рамки. Другой важной причиной несчитывания негативных сигналов со стороны коренного населения республик Балтии была неготовность советского человека к встрече с национализмом и его публичными манифестациями.

Однако значительную роль в формировании коммуникативного сбоя, при котором реципиент упорно игнорировал адресованные ему послания, играла также ощутимая разница в том, как советские отдыхающие воспринимали себя сами и как их видели литовцы, латыши и эстонцы. Стремясь дистанцироваться от советского режима, не желая признать себя его частью и соответственно разделить ответственность за его действия, туристы в республиках Балтии парадоксальным образом не уменьшали, но, напротив, усугубляли коммуникативный разрыв в отношениях с коренным населением Литвы, Латвии и Эстонии. Туристы отказывались воспринимать негативные сигналы и, как следствие, неверно интерпретировали ситуацию, рисуя ее куда более радужной и нейтральной, чем она была в действительности.

Список информантов

- [Инф. 1] – жен., *М.А.*, 1954 г. р., Ереван – Москва, в 1984 – 1989 гг. бывала в Латвии в командировках, а также отдыхала на дачах у рижских друзей.
- [Инф. 2] – жен., *И.Г.*, 1947 г. р., Москва, с 1984 по 1986 г. отдыхала в Доме творчества композиторов в Юрмале.
- [Инф. 3] – муж., *С.М.*, 1955 г. р., Москва, с 1986 по 1991 г. отдыхал в Юрмале на арендованных дачах.
- [Инф. 4] – жен., *Г.Л.*, 1952 г. р., Калининград – Москва, с 1962 по 1965 г. отдыхала в Юрмале на арендованной даче.
- [Инф. 5] – муж., *С.Г.*, 1980 г. р., с 1985 г. по н. в. отдыхал в Саулкрастах на арендованных дачах.
- [Инф. 6] – жен., *А.Н.*, 1969 г. р., Москва, с 1976 по 1990 г. отдыхала в Апшучиемсе на арендованных дачах.
- [Инф. 7] – муж., *И.К.*, 1967 г. р., Ленинград – Рига, в 70-х гг. отдыхал в Латвии у родственников, с 1984 г. постоянно проживает в Риге.
- [Инф. 8] – муж., *П.Ш.*, Москва, 1974 г. р., с 1982 по 1988 г. отдыхал в пансионатах в Юрмале.
- [Инф. 9] – муж., *Р.Т.*, 1973 г. р., Рига.
- [Инф. 10] – жен., *К. А.*, 1976 г. р., Латвия.
- [Инф. 11] – жен., *М.О.*, 1971 г. р., Екатеринбург, с 1986 по 1989 г. отдыхала в пансионате в Юрмале.
- [Инф. 12] – муж., *Л.Ю.*, 1947 г. р., Пермь, в 1969 г. провел лето в Эстонии, в 1978 и 1979 гг. отдыхал на польском хуторе в Литве, в окрестностях г. Тракай.

- [Инф. 13] – муж., *В.Б.*, 1971 г. р., Москва, в конце 70-х годов отдыхал с родителями в Литве и Эстонии, в 1986 г. провел лето в Латвии, в конце 80-х посещал Литву как представитель хиппи-сообщества.
- [Инф. 14] – муж., *Л.К.*, 1969 г. р., Москва, с 1975 по 1982 г. проводил лето в Пярну на арендованной даче.
- [Инф. 15] – муж., *М.А.*, Москва, 1967 г. р., с 1974 по н. в. проводил лето в Юрмале, в пансионатах или на арендованных дачах.
- [Инф. 16] – муж., *Я.Ш.*, 1952 г. р., Рига, с 1978 по 1993 г. работал директором вагона-ресторана в поезде Москва – Рига.

Примечания

- ¹ *Culler J.* Framing The Sign: Criticism and Its Institutions. Norman: Oklahoma Univ. Press, 1998.
- ² *MacCannel D.* The Tourist: The New Theory of the Leisure Class. Oakland: Univ. of California Press, 1976.
- ³ *Urry J.* The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies. L.: Sage, 1990.
- ⁴ *Liven A.* The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven: Yale Univ. Press, 1994. P. 185–186.
- ⁵ Оккупационные режимы и их преступления в странах Балтии 1940–1991 / Сост. И. Шнейдере. Рига: Изд-во ин-та истории Латвии, 2007. С. 40.
- ⁶ *Задорожнюк Э.Г., Фурман Д.Е.* Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры. Ч. 1 // Мир России. 2004. Т. 13. № 3. С. 98–130.
- ⁷ *Ковалевский Н.Ф., Шинев С.Б.* Укрепление дружбы народов СССР. М.: Знание, 1985. С. 69.
- ⁸ *Kung A.* A dream of freedom. Cardif: Boreas Publishing House, 1980. P. 208.
- ⁹ *Вайль П.В., Генис А.А.* 60-е: Мир советского человека. М.: АСТ, Corpus, 2013. С. 274–277.
- ¹⁰ *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР: Новейший период. М.: Московская Хельсинкская группа, 2012. С. 89–93.
- ¹¹ *Culler J.* Op. cit. P. 127.
- ¹² Подробнее о значении термина «фрейм» см.: *Вахштайн В.С.* Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011.
- ¹³ Подробнее об этом см.: *Gorsuch A.E.* All this is your world: Soviet Tourism at Home and Abroad after Stalin. L.; N.Y.: Oxford Univ. Press, 2011; *Koenker D.P.* Club Red: Vacation Travel and Soviet dream. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2013.
- ¹⁴ *Urry J.* Op. cit. P. 43.
- ¹⁵ *Scott J.C.* Domination and the Arts of Resistance. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1990.

- ¹⁶ *Shtromas A.* The Baltic States as Soviet Republics: Tensions and Contradictions // The Baltic States. The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania / Ed. by Graham Smith. L.: The Macmillan Press, 1994. P. 98.
- ¹⁷ *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР: Новейший период. М.: Московская Хельсинкская группа, 2012. С. 71.
- ¹⁸ Там же. С. 68.
- ¹⁹ *Scott J.C.* Op. cit. P. 16.
- ²⁰ *Kung A.* Op. cit. P. 222.
- ²¹ Ibid. P. 132.
- ²² Подробнее об этом см.: *Dundes A., Banc C.* First Prize: Fifteen Years! An Annotated Collection of Romanian Political Jokes. Rutherford, NJ: Fairleigh Dickinson Univ. Press, 1986.
- ²³ *Kung A.* Op. cit. P. 223.
- ²⁴ Подробнее об этом см.: *Gorsuch A.E.* Op. cit. P. 65–68.
- ²⁵ *Parming T.* Population Change and Processes // A Case Study of a Soviet Republic: The Estonian SSR. Boulder, CO: Westview Press, 1978. P. 58.
- ²⁶ *Scott J.C.* Op. cit. P. 11.